

Пролог

Глава 1

Два старика

На дворе стоял апрель 1784 года.

В начале четвертого часа старый маршал Ришелье — которого читатель, несомненно, помнит, — подвел брови душистой помадой, отвел в сторону зеркало, попутно смахнув в сторону камердинера, — этот новый слуга занял место прежнего, верного Раффе, по крайней мере, занял это место в доме, но отнюдь не в сердце маршала, — тряхнул головой и в одной только ему присущей манере произнес:

— Кажется, готово.

Он поднялся с кресла, кокетливо и стремительным, юношеским жестом смахнул остатки пудры, случайно попавшей на синие бархатные штаны.

По-бальному вытягивая носки, он прошелся по туалетной комнате.

— Метрдотеля ко мне! — распорядился он.

На зов явился метрдотель, разодетый как положено.

Маршал тотчас сделал суровое лицо.

— Как обстоят дела с обедом? — осведомился он. — Надеюсь, хорош?

— Без сомнения, ваша светлость.

— Список моих гостей у вас, полагаю?

— Разумеется, ваша светлость. Девять приборов.

— Учти, приборы должны соответствовать моменту.

— Именно так, ваша светлость, однако...

Маршал остановил метрдотеля быстрым, нетерпеливым жестом.

— «Однако»! Всякий раз, как я слышу это слово — а за восемьдесят восемь лет, которые я прожил по милости Господа, я слышал его тысячи раз! — я знаю заранее: всякое «однако» неизбежно влечет за собою какую-либо глупость.

— О, ваша светлость!..

— Ладно. В котором часу ожидается обед?

— Два часа — время обеда для буржуа, три часа — для судейских, четыре — для дворян.

— Гм. А для меня?

— Полагаю, ваша светлость обедает в пять.

— Гм. В пять?

— Как я и сказал, ваша светлость. Короли также обедают в пять.

— Короли?

— В списке гостей, который я счастлив был получить от вашей светлости, указан король.

— А вот и ошиблись: все мои гости — обычные дворяне.

— Ваша светлость оказывает мне честь, пошутив над своим покорным слугой; не могу выразить, как я счастлив этим обстоятельством! И тем не менее я убежден в том, что «граф Гаагский», один из гостей вашей светлости, — это его величество.

— И что с того?

— Граф Гаагский — король, — настаивал метрдотель.

— Понятия не имею, о чем это ты. Не существует короля с таким именем.

Метрдотель низко поклонился.

— Простите, ваша светлость, но я имел в виду, что... Я думал...

— Я плачу тебе вовсе не за то, чтобы ты думал. «Иметь в виду» — не твоя работа. Ты обязан исполнять мои распоряжения, а не комментировать их. Если я хочу довести нечто до твоего сведения, я так и говорю. А раз я о чем-то умолчал, значит, нечто должно оставаться в секрете.

Вместо ответа слуга снова поклонился, да так почтительно, словно перед ним находилась коронованная особа.

Ожерелье королевы

— Таким образом, — продолжал маршал, — повторяю: поскольку гости мои — обычные дворяне, то и обед подавай в обычное время, то есть в четыре.

Метрдотель побелел так, словно маршал огласил ему смертный приговор.

— Да будет на все воля Господня и вашей светлости, — молвил он отчаянно, как человек, которому нечего терять, — но обед будет подан в пять, и ни минутой раньше, и будь я проклят, если произойдет иначе.

— Как это так? — закричал маршал, выпрямляясь, как палка.

— Иначе никак невозможно, ваша светлость.

— Сколько лет ты у меня служишь? — маршал скорчил гримасу. Его лицо, удивительно молоджавое для столь преклонного возраста, исказилось.

— Двадцать один год, один месяц и две недели, ваша светлость.

— Ни единого дня, ни единого часа, ни минуточки не прибавишь ты к этим двадцати одному году, одному месяцу и двум неделям! — закричал старик, сдвинув надушенные брови и кусая накрашенные губы. — С нынешнего вечера ищи себе нового господина! Никогда не слыхал я еще слова «невозможно», произнесенного в моем доме! И я слишком стар — у меня нет времени привыкать к этому.

— Нынче же вечером я покину вашу светлость, — бесстрастно произнес метрдотель, вновь склоняясь в почтительном поклоне, — однако до последней секунды клянусь служить вам с надлежащим тщанием.

Он попятился к двери, не решаясь повернуться к своему господину спиной.

— Что ты имел в виду этим своим «с надлежащим тщанием»? — закричал маршал. — В моем доме все происходит с надлежащим тщанием, и никак иначе! Я желаю обедать в четыре, и приложи свое надлежащее тщание к тому, чтобы я пообедал именно в четыре.

— Ваша светлость, — отвечал метрдотель, — доводилось мне служить у принца Субиза экономом, был я и управляющим у принца-кардинала Луи де Рогана. У его высочества де Субиза король Франции изволил обедать раз в году. У монсеньора де Рогана ожидали к обеду короля Австрийского раз в месяц. Навещая принца Субиза, Людовик XV тщетно пытался именовать себя «барон де Гонес», короля всегда видеть. Столуясь у господина де Рогана, император Иосиф без всякого успеха назывался «графом Пакенштейном» — как я уже сказал, император есть император. Ныне ваша светлость изволит принимать у себя гостя, которому вздумалось взять имя «графа Гаагского» — что бы ни случилось, а останется он королем Шведским. Итак, либо я покину господина маршала, либо граф Гаагский будет принят как король.

10

— Упрямое создание, именно это я тебе и запрещаю. Граф Гаагский намерен оставаться инкогнито в самом полном значении этого слова. Черт тебя подери! Жалкий тщеславный повелитель ножей и вилок, мне знакомо твое упрямство. Перед короной ли ты склоняешься? Не себя ли желаешь прославить, задав «королевский обед» и похваляясь нашим богатством?

— Поверить не могу, что ваша светлость упомянула в разговоре столь низменный предмет, — заметил метрдотель с весьма кислым видом.

— Деньги? — вспыхнул маршал. — Да кто здесь говорит о деньгах? Нечего увиливать от прямого ответа. Повторяю: никаких толков о королях, императорах и коронах!

— О, ваша светлость, я отнюдь не так глуп, как угодно считать вашей светлости. Ни ползвук о королях, императорах и коронах.

— Итак, довольно упираться: обед будет подан в четыре.

— Никак не возможно, ваша светлость.

— Почему?

— В четыре мне еще не привезут одну вещь, которую я ожидаю.

Ожерелье королевы

— Какую вещь? Или ты, подобно Вателю, помешан на рыбе?

— Ох уж этот господин Ватель, — вздохнул метрдотель.

— Сравнение с Вателем тебя расстраивает?

— Отнюдь. Ватель обрел бессмертие, когда нанес себе плачевный удар шпагой.

— Возможно, ты полагаешь, что он отдал за свою славу слишком высокую цену?

— И в мыслях не было, ваша светлость. Но сколько подобных мне страдает от бедствий и унижений, многократно более тяжелых, нежели удар шпагой, и все-таки не обретает и толики бессмертия.

— Для бессмертия следует либо сделаться академиком, либо умереть.

— Пожалуй, я предпочел бы оставаться живым и на службе у вашей светлости. Если бы его высочество принц Конде оказался достаточно терпелив, чтобы подождать то рыбное блюдо еще полчаса, Ватель служил бы ему верой и правдой до сих пор — вместо того, чтобы лежать в луже крови.

— Кажется, мне обещаны чудеса? Ну ты и кудесник.

— Вовсе нет, ваша светлость, никаких чудес не предвидится.

— Так чего же ты ожидаешь?

— Угодно услышать ответ?

— Разумеется, любопытство меня так и гложет.

— Что ж, отвечу, пожалуй: бутылку вина.

— Объяснись! Это становится все интереснее и интереснее.

— Что ж, извольте. Его величество король Шведский... То есть, я хотел сказать, граф Гаагский... Так вот, известно, что граф пьет исключительно токайское.

— Разве в моих винных погребах не сыщется бутылки токайского? Не думаю, чтобы я настолько обнищал! А если это так, то эконома следует рассчитать немедленно.

— О нет, ваша светлость, думаю, там осталось еще бутылок шестьдесят.